Библіотека
Пров 38 А. А. Мануилова
№ 2238
216990
Пров 38
Пр.
Хвостов

Къ вопросу о свободѣ воли [1]).

1. Вопросъ о свободѣ воли принадлежитъ къ числу такихъ, съ которыми приходится считаться представителямъ самыхъ различныхъ научныхъ дисциплинъ. Онъ интересенъ не для однихъ только психологовъ, богослововъ и метафизиковъ. Съ нимъ неизбѣжно сталкивается каждый, кто углубляется въ любую отрасль общественныхъ наукъ. Не только при изученіи общей этики важно выяснить механизмъ человѣческихъ дѣйствій, не только криминалисту приходится разобраться въ этомъ вопросѣ при оцѣнкѣ уголовныхъ теорій, но и цивилистъ иногда вынужденъ задумываться надъ родственными проблемами, и историку или экономисту нельзя обойти ихъ разсмотрѣнія. Этой всеобщностью поставленнаго вопроса для наукъ о человѣкѣ и человѣческомъ обществѣ и объясняется, конечно, тотъ фактъ, что по его поводу существуетъ колоссальная литература. Кто только не писалъ о свободѣ воли и какія только воззрѣнія по этому вопросу не высказывались! Уже античные философы знали эту контроверсу, затѣмъ она проходитъ черезъ всю исторію средневѣковой философской мысли и вновь возрождается въ новой философіи.

Поэтому требуется извѣстная смѣлость, чтобы позволять себѣ выступать въ ученомъ обществѣ съ докладомъ о свободѣ воли. Казалось бы, все по этому поводу уже сказано и повторено много разъ и ничего новаго внести въ эту

[1]) Докладъ, читанный въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ [illegible]абря 1908 года.

область невозможно. Пр ая основательность тако образженія, я тѣмъ не менѣе рѣшился на такой шагъ и счи таю долгомъ объяснить тѣ мотивы, которыми вызываетс мой докладъ.

Я не сдѣлалъ никакого открытія въ вопросѣ о свобод воли и не обольщаю себя надеждой, что мнѣ удастся ег освѣтить полно и всесторонне. Такое предпріятіе, конечн превышало бы задачи небольшого доклада. Я знаю, чт большинство тѣхъ отдѣльныхъ мыслей. оторыя мно ниже будутъ высказаны, не новы. И тѣ енѣе я счи талъ не безполезнымъ, для себя, п рѣ, по вергнуть оцѣнкѣ собранія свои соо апрос о свободѣ воли.

Дѣло въ томъ, что, какъ много ни писа просѣ, все же онъ остается доселѣ въ числѣ окончательно. Поэтому каждому, для кого это представляетъ интересъ, приходится идти до и степени своей собственной дорогой. Нѣтъ здѣсь обш знанныхъ авторитетовъ, общеобязательныхъ рѣшеній. Т пришлось поступить и мнѣ. Сталкиваясь постоянно п своихъ занятіяхъ вопросами права, морали и исторіи проблемой о свободѣ воли, я долженъ былъ о ней думат долженъ былъ изучать чужія соображенія и комбинирова свою собственную конструкцію рѣшенія. Въ результатѣ меня создались извѣстныя представленія о существѣ в проса и о томъ его рѣшеніи, которое представляется м наиболѣе пріемлемымъ. Элементы, изъ которыхъ сложило мое построеніе, въ огромномъ большинствѣ не мнѣ лич принадлежатъ, но ихъ комбинація все-таки является мо собственной. Набрасывая данный очеркъ, я, по крайн мѣрѣ сознательно, не слѣдовалъ какому-нибудь опред ленному мыслителю, хотя находился подъ вліяніемъ м гихъ авторовъ, съ трудами которыхъ пришлось познак миться. Вотъ почему для меня представляетъ инт слушать тѣ возраженія, которыя могутъ быть сдѣ тивъ принятой мною концепціи.

Сказаннымъ объясняется и та постановка, которую я даю вопросу о свободѣ воли въ своемъ докладѣ. Я подходилъ къ этому вопросу съ точки зрѣнія изслѣдователя эмпирической дѣйствительности. При занятіяхъ соціальными вопросами у меня сложилось убѣжденіе, что нельзя охватить явленія общественной жизни достаточно просторнымъ для нихъ синтезомъ, если въ этотъ синтезъ не войдетъ въ той или иной формѣ понятіе свободы. Но, съ другой стороны, я не могъ отрѣшиться и отъ той мысли, что это понятіе въ міровоззрѣніи ученаго не должно стоять въ противорѣчіи съ идеей причинности. Приходилось искать такого пути, на которомъ можно было бы удовлетворить тому и другому требованію. Этотъ путь указанъ былъ мнѣ идеей особой психической причинности, развитіе и обоснованіе которой я нашелъ у нѣсколькихъ представителей современной научной и философской мысли. Эта идея и легла въ основу настоящаго доклада.

Но есть у вопроса о свободѣ воли и другая сторона. Этотъ вопросъ, какъ и всѣ очень общіе вопросы, при болѣе глубокомъ о немъ размышленіи выводитъ насъ за предѣлы той эмпирической дѣйствительности, которая одна только можетъ быть предметомъ научно доказуемаго изслѣдованія. Проблема эта въ концѣ-концовъ приводитъ насъ въ соприкосновеніе съ вопросомъ о сущности того таинственнаго соотношенія, которое наблюдается между жизнью духа и природы и которое до сихъ поръ одинаково безуспѣшно передается какъ въ формулахъ психофизическаго параллелизма, такъ и въ формулахъ идеалистическаго или матеріалистическаго монизма. Безуспѣшно въ томъ смыслѣ, что ни одна изъ этихъ формулъ не можетъ быть строго научно доказана и ни одна изъ нихъ не даетъ отвѣта, удовлетворяющаго всѣмъ нашимъ запросамъ и разрѣшающаго всѣ наши сомнѣнія. Я считаю возможнымъ не поднимать въ предстоящемъ докладѣ этого метафизическаго вопроса, полагая, что это не необходимо для освѣщенія вопроса въ намѣченномъ мною направленіи. Далѣе, возникаютъ также чисто мета-

физическіе вопросы о томъ, насколько основательна присущая человѣчеству въ большинствѣ его представителей вѣра въ положительную цѣнность человѣческаго существованія и культурнаго развитія и каковы истинные источники этой вѣры. На эту вѣру, какъ на психологическій фактъ, мнѣ придется ссылаться въ моемъ докладѣ, но метафизическую разработку и этого вопроса я оставляю въ сторонѣ.

Моя цѣль состоитъ въ томъ, чтобы показать, *въ какомъ смыслѣ понятіе «свободы» не только можетъ, но и должно быть принято въ составъ эмпирической науки, оставляя въ сторонѣ всякую метафизику*. Я полагаю, что наука, хотя и покоится всецѣло на признаніи принципа причинности, не можетъ обойтись безъ понятія свободы, употребляемаго въ извѣстномъ смыслѣ. Въ особенности это относится къ области наукъ объ обществѣ.

Самое понятіе свободы я ставлю, какъ уже сказалъ, въ тѣсную связь съ ученіемъ объ особой психической причинности и полагаю, что на этой почвѣ возможно достаточное для цѣлей эмпирическаго знанія примиреніе свободы и необходимости. Признаніе же особой психической причинности мнѣ представляется совершенно необходимымъ; только при этомъ условіи можемъ мы всесторонне уяснить себѣ процессъ общественной жизни и развитія. Не будучи психологомъ по спеціальности, я выступаю на защиту идеи о сущности психическаго процесса, раздѣляемой далеко не всѣми психологами, выступаю потому, что убѣдился въ ея истинности, работая въ другой области, въ области общественныхъ наукъ. Если смотрѣть на всю область наукъ объ обществѣ, какъ на область также психологическую, область коллективной психологіи или психологіи народовъ, то, я полагаю, и для психологовъ не могутъ быть безразличны тѣ впечатлѣнія, которыя выносятъ изъ своихъ работъ спеціалисты въ этой области. Вопросъ о свободѣ воли принадлежитъ къ числу такихъ проблемъ, которыя могутъ быть рѣшены только совмѣстными силами представителей всѣхъ отраслей знанія.

Послѣ этого предисловія, которое мнѣ казалось необходимымъ для выясненія моихъ цѣлей, я могу перейти и къ самому докладу, который постарался изложить въ возможно болѣе краткой и сжатой формѣ.

II. Съ давнихъ поръ происходитъ споръ между сторонниками свободы человѣческой воли — индетерминистами — и сторонниками воззрѣнія, по которому человѣческая воля такъ же подлежитъ неизмѣннымъ причиннымъ законамъ, какъ и все на свѣтѣ. Въ своихъ крайнихъ выраженіяхъ детерминизмъ доходитъ до того, что превращаетъ человѣка въ совершенно несамостоятельное существо, въ простое орудіе природы; индетерминизмъ же иногда выражается въ утвержденіи, что причинность прерывается актами свободной человѣческой воли, которая сама вполнѣ изъята отъ дѣйствія причинности.

Въ пользу своего воззрѣнія индетерминисты приводятъ рядъ соображеній. 1) Однимъ изъ самыхъ важныхъ аргументовъ, выдвигаемыхъ съ ихъ стороны, является то соображеніе, что иначе трудно было бы объяснить появленіе зла въ цѣлесообразно устроенномъ мірѣ. Міръ получилъ свое начало отъ Бога, устроившаго его въ духѣ добра; зло не можетъ быть продуктомъ Божественнаго строительства. Оно появилось какъ результатъ отпаденія свободной человѣческой воли отъ Божескаго начала, возмущенія человѣка противъ своего Творца. Этотъ аргументъ особенно выдвигался представителями христіанской теологіи въ средніе вѣка и въ новое время. 2) Только на почвѣ ученія о свободѣ воли можно будто бы обосновать моральную и юридическую отвѣтственность человѣка за вину. Если бы воля человѣка была обусловлена причинностью, то никого нельзя было бы считать настоящимъ виновникомъ совершоннаго имъ злодѣянія и наказывать за него, такъ какъ каждый преступникъ могъ бы утверждать, что не онъ виноватъ въ томъ, что онъ таковъ, а не иной, ибо такимъ создала его міровая причинность. Подобныя соображенія заставляли уже въ древности Эпикура и Карнеада отстаи-

вать свободу воли. Они повторяются и въ наше время. 3) Сторонники индетерминизма, наконецъ, ссылаются въ подкрѣпленіе своего взгляда и на свидѣтельство внутренняго опыта. Каждому изъ насъ присуще непосредственное сознаніе своей свободы. Передъ тѣмъ, какъ совершить какой-либо актъ, мы сознаемъ, что въ нашей власти стоитъ его несовершеніе, и потому всякое рѣшеніе является продуктомъ нашего свободнаго выбора.

Но всѣмъ этимъ аргументамъ детерминисты противопоставляютъ свои. 1) Прежде всего они указываютъ на то, что все наше знаніе основано на принятіи принципа причинности. Если мы отъ него откажемся, то мы должны будемъ отвергнуть и возможность научнаго изслѣдованія въ той области, гдѣ принципъ причинности признанъ неприложимымъ. Отвергать причинность въ области человѣческаго поведенія, значитъ объявлять эту область непригодной для научнаго изученія. Самая человѣческая личность исчезаетъ на почвѣ индетерминизма. Единство ея пропадаетъ и она распадается на рядъ отдѣльныхъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ актовъ свободной воли. 2) Индетерминизмъ не только не укрѣпляетъ принципа отвѣтственности за вину, но, напротивъ, совершенно разрушаетъ всякое обоснованіе наказанія, какъ мѣры воздѣйствія на преступный характеръ. Если воля человѣка совершенно свободна и не подлежитъ причинности, то невозможно какое бы то ни было планомѣрное воздѣйствіе на нее. Не только исправительныя наказанія теряютъ всякую почву подъ собою, но и угроза уголовнаго закона наказаніемъ оказывается лишенною смысла. Вѣдь всѣ эти мѣры построены на предположеніи, что человѣческое поведеніе подлежитъ дѣйствію неизмѣнныхъ и постоянныхъ законовъ, и принимаются на основаніи нашего знакомства съ тѣми мотивами, которые подъ дѣйствіемъ этихъ законовъ оказываютъ вліяніе на человѣческое поведеніе въ извѣстномъ направленіи. Если нѣтъ никакой закономѣрности въ дѣйствіи мотивовъ на поведеніе человѣка, то нельзя впередъ предвидѣть, какое

вліяніе окажетъ на него угроза уголовнаго наказанія и самый фактъ его примѣненія; вообще тогда лучше отказаться отъ самой идеи уголовной репрессіи и привлеченія къ отвѣтственности. 3) Чувство свободы, присущее человѣку, является иллюзіей, которая основана только на томъ, что мы никогда не можемъ прослѣдить всей причинности, обусловливающей принятіе нами того или иного рѣшенія. Если бы мы могли всегда прослѣдить этотъ процессъ до конца, то у насъ никакихъ иллюзій на этотъ счетъ не оставалось: мы видѣли бы, что каждый нашъ актъ съ безусловной необходимостью вытекаетъ изъ нашего характера и изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ принятіе рѣшенія, а характеръ является въ свою очередь причинно обусловленнымъ результатомъ наслѣдственности и воспитанія. Остроумно изображаетъ этотъ аргументъ Шопенгауэръ въ своемъ трактатѣ о свободѣ воли. „Представимъ себѣ человѣка,—говоритъ Шопенгауэръ,—который стоитъ на улицѣ и самъ съ собою разсуждаетъ: „Теперь 6 часовъ вечера, дневная работа закончена. Я могу пойти гулять; или я могу пойти въ клубъ; я могу взобраться на башню, чтобы поглядѣть на заходъ солнца; я могу также пойти въ театръ; я могу посѣтить того или другого друга; я даже могу выбѣжать за ворота въ бѣлый свѣтъ съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться. Все это зависитъ только отъ меня; я имѣю на это полную свободу; однако я ничего этого не сдѣлаю и точно такъ же добровольно пойду домой къ моей женѣ“. Это все равно, какъ если бы вода говорила: „Я могу вздымать высокія волны (да, именно въ морѣ и въ бурю), я могу быстро стекать (да, именно въ ложѣ потока), я могу пѣнясь и кипя свергаться внизъ (да, именно въ водопадѣ), я могу свободно, какъ лучъ, вздыматься въ воздухѣ (да, именно въ фонтанѣ), я могу, наконецъ, совсѣмъ вскипѣть и исчезнуть (да, именно при 80° тепла); однако, я ничего изъ этого не сдѣлаю, но добровольно, спокойно и ясно останусь въ зеркальномъ прудѣ“. Какъ вода способна ко всему этому, если наступятъ опредѣляющія при-

чины къ тому или другому, такъ и каждый человѣкъ можетъ сдѣлать то, что ему представляется возможнымъ, не иначе, какъ при томъ же условіи. Пока не наступятъ причины, это для него невозможно; но тогда онъ вынужденъ къ этому съ тою же необходимостью, какъ и вода, когда она поставлена въ соотвѣтственныя условія... Вернемся къ нашему человѣку, размышляющему въ 6 часовъ, и представимъ, что онъ теперь замѣтилъ, что я стою за нимъ, философствую о немъ и оспариваю его свободу ко всѣмъ этимъ возможнымъ для него дѣйствіямъ; легко могло бы случиться, что онъ, чтобы меня опровергнуть, выполнилъ бы одно изъ нихъ, но тогда именно мое отрицаніе и его дѣйствіе на духъ противорѣчія и было бы мотивомъ, принуждающимъ его къ этому. Однако, оно принудило бы его лишь къ одному изъ легчайшихъ среди вышеназванныхъ дѣйствій, напр., пойти въ театръ; но ни въ какомъ случаѣ не къ послѣднему, именно: убѣжать совсѣмъ на широкій просторъ; для этого данный мотивъ былъ бы слишкомъ слабымъ".

III. Спрашивается, возможенъ ли выходъ изъ создавшагося затрудненія? Кто правъ въ происходящемъ спорѣ?

Для рѣшенія вопроса необходимо прежде всего опредѣлить, что именно разумѣется подъ свободой воли, а затѣмъ посмотрѣть, является ли поднятіе свободной воли столь несовмѣстимымъ съ принципомъ причинности, какъ его представляютъ крайніе сторонники противоположныхъ воззрѣній, или нѣтъ.

Разбирая вопросъ съ этой точки зрѣнія, мы должны прежде всего констатировать, что самое понятіе „свободы воли" употребляется въ различныхъ значеніяхъ. Если подъ свободой воли разумѣть полнѣйшую независимость актовъ воли отъ всякой закономѣрности, то тогда, дѣйствительно, между крайнимъ индетерминизмомъ и самымъ умѣреннымъ детерминизмомъ открывается такая пропасть, что никакое примиреніе невозможно. Но такое воззрѣніе на свободу воли въ наше время едва ли серьезно кѣмъ-либо отстаи-

вается: слишкомъ оно противорѣчитъ самымъ общеизвѣстнымъ фактамъ и самой обыденной практикѣ. Вѣдь мы на каждомъ шагу позволяемъ себѣ съ большей или меньшей степенью увѣренности предсказывать поступки окружающихъ на основаніи знакомства съ ихъ характеромъ и живемъ подъ господствомъ государственныхъ законовъ, которые издаются въ предположеніи, что человѣческія дѣйствія подлежатъ опредѣленной мотивації, въ расчетѣ на которую можно оказывать давленіе на волю людей; да и не только уголовныя наказанія: вся система школьнаго и домашняго воспитанія основана на такой же увѣренности воспитателей въ закономѣрности психической жизни воспитанника. Такимъ образомъ, по существу споръ идетъ не о допустимости индетерминизма въ этой крайней его формѣ, но о томъ, въ какихъ предѣлахъ человѣческія дѣйствія, несмотря на существованіе извѣстной закономѣрности въ человѣческомъ поведеніи, все же могутъ быть признаны свободными, или же самый терминъ „свобода“ долженъ быть исключенъ изъ обихода наукъ о человѣческомъ поведеніи. И въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся съ различными воззрѣніями. Самое понятіе свободы получаетъ различную формулировку.

1) Иногда съ понятіемъ свободы связываютъ чисто-отрицательное содержаніе. Свободу опредѣляютъ, какъ отсутствіе принужденія, исходящаго извнѣ, отсутствіе внѣшнихъ стѣсненій для какого-либо процесса. Если процессъ предоставленъ свободному теченію, то онъ развивается согласно своей собственной закономѣрности. Такъ, камень падаетъ свободно, когда онъ при своемъ паденіи не встрѣчается съ внѣшними препятствіями; дерево растетъ свободно, когда никакія внѣшнія условія не мѣшаютъ его правильному развитію, согласно заключающимся въ немъ задаткамъ. Если мы примѣнимъ понятіе свободы въ этомъ смыслѣ къ человѣку, то мы скажемъ: человѣкъ свободенъ, когда его дѣйствія опредѣляются его внутреннимъ существомъ, всѣмъ складомъ его психики, тѣмъ, что принято называть характе-

ромъ человѣка. Въ такомъ случаѣ несвободными оказываются тѣ лица, которыя лишены подобной свободы, вслѣдствіе внѣшнихъ стѣсненій, напримѣръ, находятся въ заключеніи, или дѣйствуютъ подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія, исходящаго извнѣ; кромѣ того, несвободными придется признать и тѣхъ людей, у которыхъ не замѣчается опредѣленнаго установившагося характера, которые дѣйствуютъ различно, смотря по внѣшнимъ обстоятельствамъ и мѣняющимся чувственнымъ влеченіямъ: о такихъ людяхъ мы говоримъ, что они „безхарактерны", что они „рабы" своихъ страстей.

Такое воззрѣніе на свободу предполагаетъ, во всякомъ случаѣ, одно допущеніе: что человѣкъ является самостоятельнымъ звеномъ въ причинной цѣпи событій, и что ходъ событій опредѣляется не только внѣшними условіями, но и отличительными чертами психическаго склада каждой дѣйствующей личности, тѣмъ, что называется ея „характеромъ"; и чѣмъ сильнѣе и опредѣленнѣе характеръ лица, тѣмъ съ большею силою обнаруживается въ ходѣ событій самостоятельное значеніе этого фактора. Такое воззрѣніе нисколько не противорѣчитъ общему признанію причинности; оно только вводитъ въ составъ причинныхъ рядовъ психическую причинность, признаетъ, что духовная жизнь обладаетъ своей закономѣрностью и можетъ создавать достаточно опредѣленные облики личностей, которые получаютъ названіе „характеровъ". Самые характеры складываются, конечно, не безпричинно: характеръ каждаго лица является, съ одной стороны, продуктомъ сложной наслѣдственности, комбинаціей вліяній, идущихъ отъ многочисленныхъ предковъ, съ другой стороны, продуктомъ воспитанія, даваемаго соціальной средой своимъ членамъ. Тѣхъ лицъ, которыя, обладая ясно выраженною индивидуальностью, дѣйствуютъ согласно своему характеру, мы, конечно, имѣетъ полное право называть „дѣйствующими свободно". Если намъ скажутъ, что признаніе съ нашей стороны психической причинности, которой обусловливаются

ихъ акты, равносильно отрицанію свободы, то такое возраженіе нетрудно опровергнуть. Конечно, характеръ человѣка является началомъ, опредѣляющимъ его поступки; но вѣдь этотъ характеръ и есть самый человѣкъ: это не есть какое-нибудь внѣшнее обстоятельство, оказывающее на человѣка гнетъ; поступая согласно своему характеру, человѣкъ поступаетъ, какъ онъ самъ, какъ самостоятельное начало въ мірѣ, слѣдовательно, поступаетъ „свободно", самъ себя опредѣляя. „Личность,—говоритъ Липпсъ,—можетъ быть свободна только отъ чего-нибудь иного, чѣмъ она сама. Нѣтъ смысла объявлять личность независимой или свободной отъ себя самое" (Lipps, Die ethischen Grundfragen, 1899, 257).

Свободой воли представители изложеннаго взгляда называютъ, такимъ образомъ, обусловленность воли всею личностью человѣка; не составляя исключенія изъ общей закономѣрности текущей жизни, человѣческая личность выступаетъ однако самостоятельнымъ факторомъ въ этомъ процессѣ и своимъ характеромъ вліяетъ на его теченіе. Самое ощущеніе свободы въ человѣкѣ тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ сильнѣе его характеръ, т.-е. чѣмъ больше сказывается въ немъ склонность самостоятельно активно вліять на ходъ событій. При такомъ характерѣ тѣмъ сильнѣе ощущается каждая неудача въ выполненіи задуманныхъ актовъ. Внѣшнія препятствія воспринимаются, какъ „стѣсненія, принужденія", т.-е. самая воля дѣятеля выступаетъ въ его сознаніи, какъ „свободное начало", подвергающееся стѣсненіямъ и принужденію, исходящимъ извнѣ. Другими словами, и субъективное чувство свободы должно быть тѣмъ больше, чѣмъ болѣе на самомъ дѣлѣ активности проявляетъ характеръ даннаго лица.

Свобода воли въ этомъ смыслѣ, конечно, должна быть принята всѣми тѣми лицами, которыя признаютъ существованіе психической причинности. Подъ вліяніемъ своего характера лицо дѣйствительно дѣлаетъ тотъ „выборъ" между различными влеченіями, возникающими вслѣдствіе вліянія

внѣшней среды, который и составляетъ содержаніе свободы съ точки зрѣнія этого воззрѣнія. Уголовное право всегда и признавало свободу воли въ этомъ смыслѣ, какъ только оно начало обращать свое вниманіе на волю преступника. Невмѣняемыми признаются тѣ лица, которыя лишены возможности производить выборъ между мотивами такъ, какъ его производитъ человѣкъ съ нормальной психикой. Между вмѣняемыми дѣлается различіе въ степени наказанія, смотря по тому, насколько совершонное ими преступленіе оказывается результатомъ всего ихъ характера. Болѣе опасными элементами считаются тѣ преступники, которые совершаютъ преступленія въ полной гармоніи со всѣми свойствами своего характера, „закоренѣлые преступники"; наименьшимъ карамъ подвергаются преступники „случайные", для которыхъ преступленіе, съ точки зрѣнія ихъ общаго характера, является несчастною случайностью.

2) Но свободѣ воли не всегда придаютъ только это, болѣе отрицательное значеніе, не всегда ее толкуютъ въ смыслѣ только отсутствія стѣсненій для обнаруженія внутренней сущности человѣка. Нерѣдко встрѣчается и такое опредѣленіе свободы воли: свободнымъ является тотъ человѣкъ, который умѣетъ подчинить велѣніямъ нравственнаго долга все свое поведеніе, въ которомъ высшія духовныя свойства, разумная природа торжествуетъ надъ низшими чувственными влеченіями, „духъ" одерживаетъ побѣду надъ „плотью". И человѣкъ достоинъ называться свободнымъ существомъ именно во вниманіе къ этой присущей ему способности подчинять свои дѣйствія велѣніямъ нравственнаго сознанія.

Спрашивается, въ какомъ же смыслѣ можно это явленіе называть свободой и можно ли свободу въ этомъ значеніи слова также согласовать съ принципомъ причинности? Мнѣ кажется, что и на эти вопросы слѣдуетъ отвѣтить утвердительно. Для этого необходимо только принять во вниманіе отличительныя черты именно психической причинности.

Важнѣйшимъ свойствомъ психической причинности, отличающимъ ее отъ физической или механической, является то,

что въ психикѣ происходитъ постоянное творчество. Тогда какъ въ мірѣ физической природы мы имѣетъ непрерывное повтореніе однихъ и тѣхъ же процессовъ, вступающихъ только между собою въ новыя комбинаціи, при чемъ слѣдствіе всегда цѣликомъ содержится въ своихъ причинахъ, въ мірѣ духовной жизни, напротивъ, мы постоянно создаемъ качественно—новые продукты, качественно—новые синтезы, съ которыми наше чувство нерѣдко связываетъ положительную цѣнность. Въ психическомъ творчествѣ не играютъ рѣшающей роли отношенія, поддающіяся точному количественному вычисленію; это—міръ качествъ. Поэтому при духовномъ творчествѣ слѣдствія не содержатся цѣликомъ въ своихъ причинахъ; возникаютъ постоянно новые продукты, которые качественно отличаются отъ элементовъ, на почвѣ которыхъ они созданы. Научное открытіе, базируясь на прежде добытомъ знаніи, никогда однако не повторяетъ только того, что въ немъ раньше содержалось, иначе оно и не было бы открытіемъ; новое произведеніе искусства даетъ намъ и новый синтезъ раньше извѣстныхъ элементовъ, производя совершенно новое впечатлѣніе; впечатлѣніе это зависитъ не отъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ произведенія, но какъ разъ отъ характера самаго синтеза.

Выражаясь словами Вундта, „подобно тому, какъ логическій смыслъ мысли, выраженной словами, не исчерпывается только тѣмъ, что мы связываемъ съ каждымъ отдѣльнымъ словомъ надлежащее представленіе, такъ и сами интеллектуальные процессы не могутъ быть поняты, какъ простые аггрегаты отдѣльныхъ ощущеній и представленій“ (Wundt, Logik, 3 Aufl., III, 273). Это наблюденіе относится притомъ не къ однимъ только высшимъ психическимъ процессамъ, но ко всей области психики; зная, напримѣръ, ощущенія отдѣльныхъ музыкальныхъ тоновъ, мы изъ нихъ не составимъ впередъ ощущенія аккорда и не будемъ его знать, пока не переживемъ его. Поэтому въ области психическихъ явленій возможенъ только регрессивный анализъ:

отъ наступившаго уже результата къ его причинамъ. Этотъ „законъ творческаго синтеза", формулированный Вундтомъ, объясняетъ намъ, почему въ области духа мы можемъ говорить о постоянномъ нарастаніи цѣнностей, тогда какъ жизнь природы подчинена противоположному принципу— сохраненія энергіи, который именно не допускаетъ ничего новаго по существу: жизнь природы состоитъ только въ постоянномъ перераспредѣленіи одного и того же запаса энергіи. Въ процессѣ духовнаго творчества нарастаетъ сама духовная энергія, не подлежащая количественному измѣренію, нарастаетъ въ томъ смыслѣ, что интенсивно возрастаетъ цѣнность продуктовъ культурнаго творчества.

Этотъ процессъ культурнаго творчества имѣетъ, конечно, не только индивидуальный, но и соціальный характеръ. Въ человѣческихъ обществахъ идетъ постоянная работа по созданію новыхъ научныхъ цѣнностей, по выработкѣ произведеній искусства и по созданію нравственныхъ идеаловъ. И человѣчеству присуща вѣра въ то, что въ этомъ процессѣ культурнаго творчества людей и переустроенія съ ихъ стороны окружающей жизни, согласно устанавливаемымъ идеаламъ, проявляется вообще міровая цѣлесообразность. Міръ представляется не только механизмомъ физической природы, неустанно работающимъ однимъ и тѣмъ же запасомъ физической энергіи, но въ то же время духовнымъ процессомъ, на фонѣ этой непрерывной физической работы идущимъ по пути постояннаго творчества новыхъ цѣнностей къ опредѣленной благой цѣли. Только участвуя въ этомъ процессѣ выработки цѣнностей и проясненія ихъ содержанія, только помогая реализаціи этихъ цѣнностей, люди выполняютъ свое назначеніе на землѣ. Существованіе человѣка, безучастно относящагося къ этимъ задачамъ, представляется лишеннымъ смысла и вызываетъ осужденіе.

Если взглянуть на міръ съ этой точки зрѣнія, если представить его себѣ, какъ цѣлесообразный процессъ, то и вопросъ о свободѣ получаетъ иную постановку и иное освѣщеніе. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія механической

причинности, которая выражается лишь въ непрестанномъ перераспредѣленіи неизмѣннаго запаса энергіи по однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ законамъ, міръ представляется только царствомъ необходимости, въ которомъ нѣтъ и не можетъ быть ничего новаго. Съ точки же зрѣнія накопленія духовныхъ цѣнностей міровой процессъ, напротивъ, оказывается процессомъ постояннаго создаванія качественно-новыхъ продуктовъ. Если въ мірѣ физической природы все уже существуетъ и новое здѣсь можетъ быть признаваемо лишь въ субъективномъ смыслѣ новыхъ открытій, то въ мірѣ духовномъ именно этотъ субъективный элементъ получаетъ рѣшающее значеніе: здѣсь мы имѣемъ постоянное созданіе новыхъ цѣнностей и мы не знаемъ и не можемъ знать съ полной достовѣрностью, что здѣсь послѣдуетъ дальше. Вотъ почему въ этой области невозможны точныя предсказанія будущаго. Если физикъ или химикъ знаетъ законы, которымъ подлежатъ условія, то онъ съ точностью предскажетъ результатъ, который наступитъ при сочетаніи этихъ условій. Напротивъ, въ области психики результатъ данныхъ условій всегда будетъ качественно-новымъ синтезомъ, который нужно пережить, чтобы его понять.

Съ этой точки зрѣнія міровой процессъ и представляется намъ царствомъ свободы; здѣсь постоянно происходитъ свободное, заранѣе вполнѣ не предусмотримое, творчество новыхъ цѣнностей. Аналогичное замѣчаніе должно быть сдѣлано и относительно психики каждаго отдѣльнаго человѣка. Такъ какъ и здѣсь постоянно происходитъ творческая работа духа, то мы также лишены возможности дѣлать въ этой области предсказанія съ той степенью точности и съ той увѣренностью, съ какой ихъ дѣлаетъ физикъ, химикъ или астрономъ. Какъ бы мы хорошо ни знали характеръ человѣка и условія, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ, мы никогда не можемъ предсказать результата, который наступитъ въ его психикѣ, съ полною достовѣрностью, ибо здѣсь будетъ имѣть мѣсто то творчество, которымъ отличается вообще теченіе духовныхъ процессовъ. Поэтому

хотя человѣкъ подлежитъ дѣйствію психической причинности, но въ силу ея творческаго характера представляется свободнымъ въ томъ смыслѣ, что всегда творитъ качественно-новое, самый характеръ причинности здѣсь иной, чѣмъ въ мірѣ физическомъ. Наслѣдственностью и вліяніемъ окружающей среды обусловливается характеръ каждаго человѣка. Но какіе именно продукты будутъ созданы психическимъ творчествомъ обладателя этого характера, впередъ предсказать съ точностью немыслимо именно въ виду наличности творческаго момента въ психической причинности. Вотъ эту-то особенность психической причинности и упускаетъ изъ вида Шопенгауэръ въ приведенномъ выше разсужденіи, гдѣ онъ приравниваетъ разсужденія человѣка къ разсужденіямъ воды въ прудѣ. Вообще Кантъ и Шопенгауэръ понимали причинность въ узкомъ смыслѣ физической или механической причинности; вотъ почему имъ пришлось отыскивать свободу воли въ мірѣ ноуменовъ, отвергая ее вполнѣ въ мірѣ феноменовъ.

А затѣмъ, если поставить въ связь эту особенность человѣка какъ духовнаго существа, съ нашимъ воззрѣніемъ на міръ, какъ на процессъ цѣлесообразнаго творчества, то мы получимъ и то опредѣленіе свободы воли, о которомъ ведемъ рѣчь въ настоящее время. Человѣкъ является участникомъ міровой свободы того же порядка, какъ его собственная, лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ содѣйствуетъ укрѣпленію нравственнаго порядка, торжеству добра. Отсюда и это новое понятіе свободы воли. Только того человѣка мы называемъ свободнымъ, который понялъ это свое назначеніе въ процессѣ мірового творчества и умѣетъ заставить себя служить міровой свободѣ. Въ концѣ доклада мы увидимъ, что здѣсь возможны и ошибки со стороны отдѣльныхъ лицъ. Иногда даже сильная творческая личность въ своихъ дѣйствіяхъ становится въ разрѣзъ съ общимъ ходомъ соціально-культурнаго прогресса, творитъ зло, а не добро. Встрѣчаются ошибки и со стороны общества, которое иногда подвергаетъ преслѣдованію провозвѣстни-

ковъ новыхъ идей и ученій, впослѣдствіи однако овладѣвающихъ соціально-культурнымъ процессомъ.

Конечно, оптимистическое представленіе о мірѣ, какъ цѣлесообразномъ процессѣ, ведущемъ именно къ торжеству добра, а не зла, научно доказано быть не можетъ. Не можемъ мы строго научно доказать и назначенія человѣка въ міровомъ процессѣ. Всѣ эти представленія составляютъ предметъ вѣры, однако такой вѣры, безъ которой мыслящій человѣкъ жить не можетъ. Вотъ почему и разбираемое опредѣленіе свободы воли не можетъ быть названо строго научнымъ. Въ немъ есть элементъ религіозный или метафизическій, какъ онъ присутствуетъ во всѣхъ нашихъ этическихъ построеніяхъ. Но во всякомъ случаѣ, такая метафизика, съ одной стороны, составляетъ историческій фактъ, убѣжденіе, которымъ съ большей или меньшей степенью сознательности руководится большинство людей, съ другой стороны, она не противорѣчитъ даннымъ науки: въ основѣ ея лежатъ уже вполнѣ научныя наблюденія надъ характеромъ психической причинности. Въ качествѣ такого историческаго факта мы и принимаемъ во вниманіе эту метафизику въ настоящемъ разсужденіи.

Не мѣшаетъ, можетъ быть, прибавить еще одну оговорку. Принятіе защищаемаго нами взгляда на особый, творческій характеръ психической причинности, конечно, не заставляетъ насъ ничего мѣнять въ нашихъ обычныхъ представленіяхъ о физической или механической причинности. Міръ, который изучаютъ натуралисты, остается во всей его научной неприкосновенности. Въ частности, никакого посягательства на законъ сохраненія энергіи мы не совершаемъ. Дѣло въ томъ, что воздѣйствіе человѣка на природу съ нашей точки зрѣнія представляется не внесеніемъ какихъ-либо перерывовъ въ теченіе физической причинности актами психическаго воздѣйствія, которые составляли бы здѣсь нѣкоторый чуждый элементъ. Я полагаю, что съ физической точки зрѣнія воздѣйствіе человѣка на міръ сводится исключительно къ физическимъ же движеніямъ его тѣла и проис-

ходящему въ связи съ ними обычному перераспредѣленію въ физическомъ мірѣ неизмѣннаго запаса энергіи. Но, если мы посмотримъ на всѣ эти процессы съ психической стороны, то мы скажемъ, что *значеніе* и цѣнность измѣняемаго такимъ образомъ міра для насъ мѣняется; міръ въ томъ состояніи, который придается ему воздѣйствіемъ человѣка, представляетъ для насъ въ качественномъ отношеніи не ту цѣнность, которую онъ представлялъ до такого воздѣйствія. Въ этомъ смыслѣ и можно говорить, что назначеніе человѣка сводится къ тому, чтобы измѣнять цѣнность міра своимъ на него воздѣйствіемъ въ духѣ присущихъ человѣку идеаловъ. Привхожденіе на сторонѣ духа этой качественной оцѣнки процессовъ физическихъ ничего не мѣняетъ въ самихъ физическихъ процессахъ.

При этомъ я не касаюсь метафизическаго вопроса объ отношеніи по существу физическаго и психическаго міра. Во всемъ своемъ докладѣ я остаюсь на строго эмпирической точкѣ зрѣнія, которая требуетъ, по моему мнѣнію, только признанія наличности обоихъ рядовъ и извѣстнаго между ними соотношенія.

Конечно, и общее понятіе о причинности, полагаемое нами въ основу защищаемаго взгляда, должно быть шире тѣхъ представленій о причинной связи, которыя обычно господствуютъ среди представителей математическаго естествознанія. Я вполнѣ согласенъ съ профессоромъ Л. М. Лопатинымъ, что нѣтъ никакихъ основаній сводить законъ причинности цѣликомъ къ закону неизмѣннаго единообразія въ послѣдовательности явленій. „Общечеловѣческое понятіе о причинности,—справедливо замѣчаетъ названный авторъ,—гораздо шире современнаго физическаго понятія о ней и вовсе не включаетъ непремѣнной мысли объ абсолютномъ единообразіи феноменовъ природы... Характеръ причинности въ обыкновенномъ пониманіи людей по преимуществу творческій“ (Лопатинъ. Вопросъ о свободѣ воли, 1889, стр. 18). Я думаю, что наука не имѣетъ никакихъ основаній расходиться съ этимъ обычнымъ пониманіемъ причинности и во

вниманіе къ требованіямъ естествознанія повсюду сводить причинность къ принципу полнаго единообразія изучаемыхъ процессовъ. Это значило бы или отказываться отъ причинности въ области психической жизни, какъ индивидуальной, такъ и соціальной, или же укладывать наблюдаемую здѣсь причинность въ прокрустово ложе причинности механической, совершая явное насиліе надъ данными психическаго опыта. Для признанія причинности вообще требуется только подискиваніе къ каждому явленію его основанія, утвержденіе, что все на свѣтѣ имѣетъ свое основаніе. Но нѣтъ никакой необходимости утверждать, что слѣдствіе должно цѣликомъ содержаться въ своихъ причинахъ, во всей полнотѣ ими предопредѣляться. Мы не только имѣемъ право съ логической стороны, но мы вынуждаемся данными опыта признать, что возможна на ряду съ механической причинностью причинность иного типа, причинность психическая, гдѣ результатъ не содержится цѣликомъ въ своихъ причинахъ, но представляетъ собою качественно-новый синтезъ.

IV. Этими разсужденіями, однако, вопросъ о свободѣ воли еще не законченъ. Мы признали волю человѣка свободной въ такомъ смыслѣ, въ какомъ эта свобода по нашему мнѣнію не противорѣчитъ понятію причинности. Человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ опредѣляется характеромъ, а характеръ есть результатъ наслѣдственности и воздѣйствія соціальной среды. Но самый характеръ есть начало активное, творческое. При такихъ условіяхъ мы можемъ примириться съ существованіемъ нравственной оцѣнки человѣка и его поступковъ. Мы видѣли, что сами нравственно-соціальныя оцѣнки вырастаютъ на почвѣ той же психической причинности, приводящей къ выработкѣ нравственныхъ идеаловъ и къ оцѣнкѣ той мѣры участія, которую каждый изъ насъ принимаетъ въ ихъ реализаціи. Съ нравственной точки зрѣнія положительную оцѣнку получаютъ, какъ мы видѣли, тѣ именно люди, которые поняли свое назначеніе въ процессѣ міроваго творчества и умѣютъ заставить себя служить міровой свободѣ. При этомъ особенно важное значеніе имѣетъ по-

слѣдняя сторона дѣла. Не такъ еще важно, чтобы человѣкъ сталъ на уровень тѣхъ синтезовъ, въ которыхъ выражаются современныя ему представленія о содержаніи культурныхъ цѣнностей, какъ то, чтобы онъ обнаружилъ достаточно характера для проведенія въ жизнь этихъ синтезовъ, для дѣйствованія согласно съ ихъ содержаніемъ. Въ этихъ случаяхъ дѣло идетъ всегда о разрушеніи той или иной привычной общественной традиціи или же такихъ укоренившихся навыковъ, которые представляются намъ „природными влеченіями" человѣка; эти навыки склонны господствовать деспотически надъ нашимъ поведеніемъ. Новые культурные идеалы приходится проводить въ жизнь вопреки имъ, т.-е. человѣку, ставшему на эту точку зрѣнія, приходится вести свои поступки, какъ выражается Джемсъ въ своей „Психологіи" [1]), по линіи не наименьшаго, но наибольшаго сопротивленія и дѣлать для этого вполнѣ ощутительныя усилія, вступать въ борьбу не только съ окружающимъ обществомъ, пропитаннымъ традиціонными воззрѣніями, но и со своими собственными навыками, представляющими результатъ наслѣдственности и воспитанія, со своей „чувственной" природой, совлекать съ себя „ветхаго Адама". Въ области нравственной оцѣнки мы и склонны придавать особо важное значеніе обнаруживаемой при такой борьбѣ „силѣ воли", преклоняться передъ такими характерами. Въ этомъ заключается правильная мысль кантовскаго этическаго ригоризма. Мы цѣнимъ этически-сильные характеры, которые умѣютъ провести въ практику новые просвѣтленные сознаніемъ этическіе идеалы, вопреки старымъ навыкамъ и традиціямъ, называемымъ обыкновенно „чувственной природой". Такъ объясняется *нравственная оцѣнка,* производимая надъ отдѣльными личностями.

Но какимъ образомъ примирить съ существованіемъ причинности *юридическія* мѣры взысканія, тѣ наказанія принудительнаго характера, которыя налагаются на преступника,

---

[1]) *Джемсъ,* Психологія, см. 383 стр. 5-го рус. изд. (перев. Лапшина).

тѣ страданія, которыя ему причиняются во имя общественной нравственности? Вѣдь преступникъ въ концѣ-концовъ не виноватъ въ томъ, что у него дурной характеръ, который сдѣлалъ изъ него не участника нашей нравственной дѣятельности, но лицо къ ней равнодушное или даже ей противодѣйствующее. За что же его наказывать? Мы можемъ его сожалѣть, можемъ выражать ему наше осужденіе, но не подвергать его наказаніямъ.

Для рѣшенія этого вопроса мы должны принять во вниманіе, что въ процессѣ культурнаго творчества принимаютъ участіе не одни человѣческіе индивидуумы, но и цѣлыя человѣческія общества. Съ нашей точки зрѣнія, общество, какъ соціально-психическій организмъ, есть не меньшая реальность, чѣмъ отдѣльные люди. Общество, взятое въ цѣломъ, является и гораздо болѣе мощнымъ участникомъ творческаго культурнаго процесса, чѣмъ отдѣльные люди, въ него входящіе. Поэтому общество можетъ обороняться такъ же, какъ обороняется отъ нападеній отдѣльная личность. Наказаніе, примѣняемое къ преступнику, есть средство общественной обороны отъ посягательствъ на существованіе общества и на правильный ходъ его творческой работы, исходящихъ отъ преступныхъ личностей. Только въ смыслѣ такого средства общественной самообороны и допустимо наказаніе. Съ этой точки зрѣнія долженъ быть опредѣленъ характеръ наказанія и предѣлы его примѣнимости.

Общество никогда не должно забывать, что оно само своими непорядками создаетъ почву для появленія преступныхъ элементовъ, поскольку ихъ характеръ и самая наслѣдственность, ихъ произведшая, опредѣляются условіями общественной среды. Поэтому наказаніями не должна исчерпываться борьба съ преступностью. Общество должно принимать мѣры къ своему оздоровленію, къ устраненію тѣхъ условій, которыми порождается преступность. Къ этой цѣли ведетъ борьба съ невѣжествомъ, съ бѣдностью, съ болѣзнями, съ алкоголизмомъ, съ развратомъ и т. п. Общество, которое этого не дѣлаетъ, наказывая преступниковъ,

и само несетъ наказаніе, ибо оно постоянно страдаетъ само отъ преступленій и должно затрачивать силы и средства для раскрытія и преслѣдованія преступниковъ.—Съ другой стороны, наказаніе не должно превышать предѣловъ необходимой самообороны и переходить въ возмездіе.

Что касается аргументовъ въ пользу индетерминизма, опирающихся на то, что наличность зла была бы непонятна безъ допущенія свободы воли, то на нихъ въ данномъ разсужденіи отвѣтить нетрудно: и при допущеніи свободы воли зло становится не болѣе понятнымъ: вѣдь то благое начало, которое устроило міръ, должно было само допустить и свободу воли, отъ которой проистекло зло. Возникаетъ все тотъ же вопросъ: зачѣмъ же была допущена подобная свобода? Вообще, вопросъ о злѣ и его мѣстѣ въ міровомъ процессѣ—вопросъ, по существу, метафизическій—соприкасается не столько съ вопросомъ о свободѣ воли, сколько съ болѣе общей тяжбой пессимистическаго и оптимистическаго міровоззрѣнія, по поводу которой онъ и долженъ быть особо разсмотрѣнъ. На одномъ только аргументѣ, относящемся къ постановкѣ проблемы зла, я позволю себѣ въ двухъ словахъ остановиться, не выходя за предѣлы эмпирическихъ данныхъ. Я разумѣю тотъ не разъ повторявшійся аргументъ, который Гете вложилъ въ уста Мефистофеля:

Частица силы я,
Желавшей вѣчно зла, творившей лишь благое.

Эта мысль заставляетъ меня дополнить то, что было сказано раньше по поводу отношенія личности и общества. Я утверждалъ, что нравственное одобреніе получаетъ та личность, которая находитъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы проводить въ жизнь новые нравственные синтезы въ борьбѣ съ традиціонными воззрѣніями и своими чувственными влеченіями. Иногда такая личность падаетъ жертвою въ борьбѣ съ окружающимъ обществомъ, но такъ какъ она боролась за тѣ идеалы, которые въ соціально-культурномъ процессѣ послѣ восторжествовали, то она впослѣдствіи и

получаетъ заслуженную нравственную оцѣнку въ качествѣ перваго провозвѣстника новой истины. Но бываютъ и обратныя положенія. Иногда сильная личность въ своемъ творчествѣ не совпадаетъ съ тѣмъ путемъ, которымъ идетъ процессъ соціально-культурнаго творчества. Такой личности также приходится вступить въ борьбу съ обществомъ; однако въ этой борьбѣ она не только терпитъ пораженіе, но и впослѣдствіи получаетъ оцѣнку отрицательную. Ея идеалы оказались идущими въ разрѣзъ съ идеалами человѣчества, она представляется носительницей злого начала. Вотъ такая-то борьба противъ человѣческаго прогресса, поднимаемая сильной личностью, часто, сама по себѣ будучи зломъ, обращается въ орудіе добра, такъ какъ, создавая необходимую антитезу, способствуетъ проясненію и оживленію истины въ сознаніи общества. Такой процессъ представилъ намъ Ибсенъ въ своей драмѣ „Кесарь и Галилеянинъ“, гдѣ Юліанъ Отступникъ, стремясь возродить отжившее язычество, способствуетъ оживленію и укрѣпленію въ обществѣ христіанскаго духа, и даетъ намъ яркій образецъ исторической „гетерогоніи цѣлей“. Будучи самъ „свободною“ личностью, въ смыслѣ силы своего характера и оригинальности творчества, Юліанъ однако падаетъ жертвой міровой „необходимости“, съ которою разошелся: онъ вѣдь выступилъ противъ прогресса, на линію котораго уже успѣло стать общество, и тщетно хотѣлъ повернуть назадъ колесо исторіи. Но эта роковая для индивида необходимость была для человѣчества истинной свободой. Юліанъ получилъ у потомства отрицательную оцѣнку, такъ какъ разошелся съ процессомъ общечеловѣческаго прогресса. Положительную оцѣнку получаютъ лишь тѣ великіе, которые, выражаясь словами Ибсена, становятся великими подъ давленіемъ необходимости, т.-е. личные идеалы которыхъ въ конечномъ итогѣ совпадаютъ по содержанію съ тѣмъ путемъ, которымъ идетъ процессъ соціально-культурнаго творчества отдѣльныхъ народовъ, а затѣмъ и всего человѣчества.

Вообще, мнѣ кажется, сущность человѣческой культуры вскрывается только соціальными, общечеловѣческими процессами. Личность здѣсь является великимъ двигателемъ, но она ничего не рѣшаетъ окончательно. Изъ столкновенія индивидовъ, изъ уклоненій въ разныя стороны личнаго творчества, рождается историческая равнодѣйствующая, которая и опредѣляетъ судьбы человѣчества на его пути къ раскрытію постоянно имъ чувствуемой, но лишь въ борьбѣ и съ трудомъ познаваемой истины.

В. М. Хвостовъ.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ